

УДК 821.161.1

DOI 10.25587/2222-5404-2024-21-4-148-158

Оборона Севастополя в художественном осмыслении Л. Н. Толстого и его современников

Е. Е. Машкова¹✉, Э. С. Меджитова²

¹Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова, г. Симферополь, Россия

²Школа № 9 им. Н. В. Старшинова, г. Феодосия, Республика Крым, Россия

✉ lebed_ekaterina@bk.ru

Аннотация. Концептообразующим тезисом в предлагаемой статье выступает утверждение, бытующее на уровне аксиомы в исследованиях «Севастопольских рассказов» Л. Н. Толстого с момента их написания по настоящее время, об отличающем цикл специфически толстовском видении происходящего на фронтах Крымской войны. Преследуя цель уточнить позицию писателя, конкретизировать ее, автор статьи сопоставляет «Севастопольские рассказы» с официальной военной хроникой, печатавшейся в рубрике «Военный листок» на страницах газеты «Русский инвалид», публицистическими и художественными произведениями об обороне Севастополя современников Л. Н. Толстого: очерками В. А. Кокорева «Путь севастопольцев» (1858) и А. Н. Супонева «Рассказы о севастопольцах» (1904), повестью И. И. Митропольского «Синопский юнга» (1917). Отмечается, что мажорно-торжественной тональности публикаций «Русского инвалида», подчеркивающих народный характер войны, Л. Н. Толстой противопоставляет фотографический натурализм будней осажденного города, парадному блеску военных маршей – страдания человеческой плоти, романтизированной героике – естественное для человека чувство самосохранения и страха, не исключающее, однако, способность умереть за Отечество. Проведенный сравнительно-сопоставительный анализ позволил выделить концептуальные расхождения в изображении Крымской войны, обороны Севастополя в произведениях Л. Н. Толстого и его современников. В заметках В. А. Кокорева, «Рассказах о севастопольцах» А. Н. Супонева Крымская война – это война вероисповедная, подвиг защитников Севастополя – духоподъемный пример для народа России. В «Севастопольских рассказах» Л. Н. Толстого война бессмысленна, противна человеческой сущности. Этот лейтмотив цикла задает тональность последующим произведениям об обороне города («Синопский юнга» И. И. Митропольского). Включение «Севастопольских рассказов» в историко-культурный контекст второй половины XIX века обнаруживает, однако, не только отличия, но и сущностное сходство концепции войны Л. Н. Толстого и его современников. Л. Н. Толстой, как и В. А. Кокорев, залог духовного возрождения человека видит в отречении от эгоистичных тщеславных устремлений, в общем соборном чувстве сопричастности великой истории.

Ключевые слова: Л. Н. Толстой, И. И. Митропольский, «Севастопольские рассказы», газета «Русский инвалид», концепция войны Л. Н. Толстого, литературная традиция, историко-культурный контекст, героическое в литературе, оборона Севастополя 1854–1855 годов, Крымская война.

Для цитирования: Машкова Е. Е., Меджитова Э. С. Оборона Севастополя в художественном осмыслении Л. Н. Толстого и его современников. *Вестник СВФУ*. 2024, Т. 21, № 4. С. 148–158. DOI: 10.25587/2222-5404-2024-21-4-148-158

Defense of Sevastopol in the literary interpretation of L. N. Tolstoy and his contemporaries

E. E. Mashkova¹✉, E. S. Medzhitova²

¹Crimean Engineering and Pedagogical University the name of Fevzi Yakubov, Simferopol, Russia

²School No. 9 named after N. V. Starshinov, Feodosia, Republic of Crimea, Russia

✉ lebed_ekaterina@bk.ru

Abstract. In the given article the statement about the special author's vision of the events of the Crimean War presented in "The Sevastopol Sketches" by L.N. Tolstoy is concept-forming. This thesis exists as the axiom in studies of L. N. Tolstoy's "The Sevastopol Sketches" from the moment of their writing to the present day. In order to clarify the writer's position, to concretize its differences with the generally accepted point of view, "The Sevastopol Sketches" are compared with the official military chronicle, published in the section "Military Sheet" on the pages of the newspaper "Russky Invalid", journalistic and literary works about the defense of Sevastopol by L.N. Tolstoy's contemporaries: essays by V. A. Kokorev "The Way of Sevastopol defenders" (1858) and A. N. Suponev "Stories about the Sevastopol people" (1904), the story by I. I. Mitropolsky "Sinop cabin boy" (1917). It is noted that cycle by L. N. Tolstoy, with its photographic naturalism of the everyday life of the besieged city, contrasts with the major and solemn tone of the publications of "Russky Invalid", emphasized the folk nature of the war; the sufferings of human bodies – with the ceremonial splendor of military marches; the natural human sense of self-preservation and fear, does not exclude, however, the ability to die for the Fatherland, – with romanticized heroism of "Russky Invalid". Conceptual differences in the depiction of the Crimean War, the defense of Sevastopol in the works of L. N. Tolstoy and his contemporaries is considered. In the notes by V. A. Kokorev, "Stories about the Sevastopol people" by A. N. Suponev, the Crimean War has a religious character; Sevastopol defenders' deed is moral pattern and spiritual ancestor for Russian people. In "The Sevastopol Stories" by L.N. Tolstoy, war is senseless and contrary to human nature. This leitmotif of the cycle sets the tone for following works about the defense of the city ("Sinop cabin boy" by I. I. Mitropolsky). The inclusion of "The Sevastopol Sketches" in the historical and cultural context of 19th century reveals, however, not only differences, but also essential similarities in the concept of war of L. N. Tolstoy and his contemporaries. L.N. Tolstoy, like V.A. Kokorev, sees the guarantee of a person's spiritual rebirth in the renunciation of selfish, vain aspirations, in a general, communal sense of participation in great history.

Keywords: L. N. Tolstoy, I. I. Mitropolsky, "The Sevastopol Sketches", newspaper "Russky Invalid", L. N. Tolstoy's concept of war, literary tradition, historical and cultural context, heroic in literature, defense of Sevastopol in 1854–1855, Crimean War.

For citation: Mashkova E. E., Medzhitova E. S. Defense of Sevastopol in the literary interpretation of L. N. Tolstoy and his contemporaries. *Vestnik of NEFU*. 2024, Vol. 21, No. 4. Pp. 148–158. DOI: 10.25587/2222-5404-2024-21-4-148-158

Введение

Особость, уникальность «Севастопольских рассказов» в творческом наследии Л. Н. Толстого сложно переоценить. Это первая литературная работа, опубликованная классиком с указанием авторства (литературный дебют – повесть «Детство» («История моего детства»)) – печаталась с инициалами «Л. Н.». Севастополь стал местом, где Л. Н. Толстой облек в слово идею, ставшую затем ключевой в толстовстве: новая религия, «религия практическая», должна быть очищена «от веры и таинственности», не обещать «будущего блаженства», но гарантировать «блаженство на земле» [1, с. 37].

В севастопольском цикле Л. Н. Толстым намечены подходы к военной и исторической темам, которые полнозвучно зазвучат в романе-эпопее «Война и мир».

До приезда в Севастополь Л. Н. Толстой и офицерство штаба Южной армии планировали издавать «Военный листок», в котором, согласно их замыслу, в отличие от аналогичной рубрики журнала «Русский инвалид», публиковались бы «описания сражений, *не... сухие и лживые*» (Здесь и далее курсив наш. – Е. М.) [2, с. 63]. «Герой же моей повести... – правда», – скажет автор во втором очерке цикла [3, с. 59]. Столь явная его неподцензурность не могла не обратить на себя внимание блюстителей печати.

Опасаясь цензурных нападков, И. И. Панаев, готовя номер «Современника» к изданию, сделал в очерке купюры, но даже в усеченном виде цензурного вмешательства избежать не удалось [4].

В середине 1850-х гг. в газетно-журнальной периодике активно обсуждались вести с фронтов Крымской войны. Панорама театра военных действий, представленная Толстым, кардинально разнилась с тем, что писал «Русский инвалид» – официальная правительственная военно-политическая газета, не единожды иронично упоминая в «Севастопольских рассказах».

Исследователи крымского цикла Л. Н. Толстого традиционно указывают на существование подобных расхождений. Эта мысль транслировалась в исследованиях советского времени. «...Толстой в севастопольских рассказах, – читаем в критико-биографических очерках, вышедших без малого к столетию изображенных писателем событий, – *первый* в мировой литературе *правдиво* показал войну...» [5, с. 584]. «Позиция молодого писателя *резко отличалась от взглядов большинства его современников...*» – констатируют современные исследователи [6, с. 249].

Вместе с тем представляется важным конкретизировать расхождения, существовавшие между толстовской и иными трактовками событий 1854–1855 гг. Подступы к этой теме намечены Казанским федеральным университетом [7, 8]. Л. А. Орехова [9], В. В. Курьянова [10], К. В. Ратников [11] обозначают проблему, не исчерпывая, однако, научного интереса к ней.

Цель предлагаемого исследования – выявить идейно-художественное своеобразие трактовки Л. Н. Толстым военных действий 1854–1855 гг. в соотнесении с современным писателю литературно-публицистическим контекстом.

Заявленной целью обусловлены следующие задачи исследования: 1) определить сущностные различия в изображении событий в осажденном Севастополе Л. Н. Толстым и современными ему писателями и публицистами; 2) выявить традицию Л. Н. Толстого в творчестве писателей, обращавшихся к теме Крымской войны во второй половине XIX – начале XX века.

«Герой же моей повести... – правда»

«Герой же моей повести, которого я... старался воспроизвести во всей красоте его... – правда», – без этой концептообразующей цитаты классика едва ли обходятся исследователи, обращаясь к «Севастопольским рассказам» Л. Н. Толстого [3, с. 59]. Примечательно, что писатель сам поясняет, что под *правдивым* понимает изображение войны «не в правильном, красивом и блестящем строе, с музыкой и барабанным боем, с развевающимися знаменами и гарцующими генералами», а «в настоящем ее выражении – в крови, в страданиях, в смерти...» [3, с. 9].

Исследователи цикла не единожды апеллировали к этой мысли писателя. «Предельно правдиво, оголенно звучит “Севастопольских рассказах” тема войны и мира, жизни и смерти. Война предстает “в настоящем ее выражении – в крови, в страданиях, в смерти”», – констатирует И. Ф. Салманова [12, с. 185]. К схожему заключению приходит Е. Д. Зорина: «В “Севастопольских рассказах” Лев Толстой создал объемный и пронзительный образ войны. Для писателя, участника событий 1854–55 гг., война – не бой барабанов, не марш парадным строем, не развевающиеся флаги, но прежде всего грязь, кровь, ужас и смерть» [13, с. 2023].

«Большинство из нас, – замечает Д. В. Волчек, – знает и представляет эти события так, как описал их Толстой...» [6, с. 249]. Между тем со страниц «Русского инвалида» Крымская война представлялась иной. В январе 1854 г. в постоянной газетной рубрике «Военный листок» продвижение русской армии по Придунайскому княжеству описывалось жизнеутверждающе-мажорно (здесь и далее цитаты приводятся согласно нормам современной орфографии. – Е. М.): «*Стройное и быстрое движение наших войск от Прута к Дунаю было совершено в примерном порядке. Бодро и весело шли полки к турецкой границе*» [14, с. 1].

Повесть «Синопский юнга» (1917) Ивана Ивановича Митропольского (1872–1917), широкому читателю писателя малоизвестного, вместе с тем навсегда вошедшего в историю русской литературы благодаря авторству первой граммофонной записи голоса Л. Н. Толстого, демонстрирует ту же мажорность описаний: имея военное прошлое, писатель, очевидно, таким образом отдавал дань традиции. Обстановка в войсках перед Альминским сражением, оказавшимся для русской армии трагически кровопролитным, И. Митропольским описана с торжественной парадностью, проникнута особого рода эстетикой, соразмерностью, порядком: «*Ярко вычищенные медные пушки горели на солнце, сосредоточенная и торжественная прислуга мерно отбивала возле них ногами такт, пылила по дороге кавалерия и бесконечно черной лентой, сверкая отточенными штыками, тянулась пехота. / В воздухе уже “пахло” сражением; грозное событие висело над головами этих тысяч людей и ожидание их делало сосредоточенными и торжественными. / Музыка какого-то полка грянула марш, – и шедшая не в ногу, колыхавшаяся, как море, толпа на секунду остановилась и пошла, мерно колыхаясь и сверкая своими штыками*» [15, с. 23–24].

Играющие бликами орудия, парадно-торжественный марш войск, соразмерность шага колонны – зачастую именно так современники Л. Н. Толстого представляли войну. В цикле «Севастопольские рассказы» нередко упоминается о том, что вдали от Севастополя – в Петербурге, в Москве, в тихих провинциальных городках – война романтизировалась, представлялась завидным шансом заявить о себе, проявив отчаянную храбрость, крепость духа, – и всенепременно *отличиться*. Неслучайно во втором очерке цикла жена полкового товарища штабс-капитана Михайлова, с жаром читая в номере «Русского инвалида» новости с фронтов, восклицает: «Вот Михайлов! ...сражается на бастионах и непременно получит Георгиевский крест и про него в газетах напишут» [3, с. 20].

По Л. Н. Толстому, даже на полях сражений, за шаг до смерти светскому человеку непросто отказаться, сбросить наносные стереотипы. Бравировать бесстрашием, кичиться бахвальством, играть на публику – типичные черты офицерства у Л. Н. Толстого. Если шел разговор о сражении, главным «было не самое дело, а то участие... и храбрость, которую выказал рассказывающий» [3, с. 53]. Примерить на себя *лихую казацкую посадку, совершенным молодцом* проехать перед солдатами, сдвинуть фуражку *лихо набок* (удалой малый!), перед боем пройти *громкими твердыми шагами* (с заявкой на бесстрашие и твердость духа) – повсеместно входу бравада, мальчишеское тщеславие, показная храбрость.

Лейтмотивом в «Севастопольских рассказах» проходит мысль о том, насколько разнятся ожидания приезжающих в Севастополь военных и реальное положение дел, оставляя порой у героев послевкусие разочарования. Семнадцатилетнего Володю Козельцова желание записаться в действующую армию захватило именно после прочтения «в газетах и частных письмах о делах севавтопольских героев»: он «вдруг возгорелся честолюбием и еще более патриотизмом» [3, с. 69]. Но все, с чем столкнулся Козельцов в действительности: и длительная, почти в три месяца дорога, и разговоры офицеров о бесчисленных потерях – все это «было так мало сообразно с его прошедшими недавними впечатлениями: паркетная светлая большая зала экзамена... новый мундир, любимый царь...» [3, с. 80]. Тотальное, экзистенциальное чувство одиночества и растерянности, ужас

перед смертельной опасностью – «вместо исполненной энергии и сочувствия героической жизни, о которой он мечтал так славно» [Там же, с. 85].

Подобная романтизированная героика, идеалистические сентенции чужды толстовским описаниям севастопольской страды. Писателю удаются фотографически точные зарисовки военного быта. Шокирующе натуралистичны сцены в военном лазарете. Агония раненого, рвущегося в беспамятстве в бой; последние минуты умирающего солдата; матрос, которому оторвало ногу; ампутации наживо, когда «острый кривой нож входит в белое здоровое тело», а из анестетиков только – стакан водки да палка в зубы («с ужасным, раздирающим криком и проклятиями раненый вдруг приходит в чувство», «фельдшер бросит в угол отрезанную руку»); «тяжелый запах мертвого тела», «лужи крови, горячее дыхание нескольких сотен человек и испарения» [Там же, с. 37–38] – все это диссонирует с высоким стилем заметок «Русского инвалида». В конце декабря 1854 г. в газете был опубликован обзор полковника Лебедева пятой книги «Военного журнала» – «истинно полезного и... добросовестного издания», включавшего раздел «Смеси. Извлечение из писем старших медицинских чинов Действующей Армии к Директору Медицинского Департамента Военного Министерства» [16, с. 1]. «Здесь из откровенных писем, часто с поля сражения, – констатировал автор обзора, – каждый может видеть, на какой степени совершенства находится у нас часть медицинская – одна из самых важнейших отраслей благоустроенной армии» [Там же]. В подтверждение сказанному полковник Лебедев приводил выдержки из письма главного доктора Дунайской Армии С. С. Чернобаева о сражении при Четати: «Из числа раненых около 1000 ранены легко. При перевязке обращали на себя внимание бодрость и геройский дух солдат...» [Там же, с. 1–2]. В корреспонденциях С. С. Чернобаева всячески подчеркивается благоустроенность военных полевых госпиталей: «При человеколюбивом содействии военного начальства не было упущено ничего для успокоения и подаяния пособия раненым»; они «были разложены с большей или меньшей удобностью»; для перевязок «самых трудных раненых, особенно офицеров, доставлена была самая мягкая корпия...» [Там же]. На страницах «Русского инвалида» особо отмечалось, что после сражений лекари «с должным числом прислуги» осматривали «оставшихся на поле битвы, и у которых окажутся хоть некоторые признаки жизни... без различия, свой или неприятель», доставлялись в лагерь «для подания надлежащего медицинского пособия» [Там же].

Баталистике «Севастопольских рассказов» Л. Н. Толстого чужды подобные жизнеутверждающие интонации и духоподъемный тон. По-очеркистски точно в цикле говорится и о мародерстве среди солдат (знаково, что на поле брани обезображенные тела «в серых и в синих одеждах» оставляют *без сапог*) [3, с. 56], и о пристрастии офицерства к «зеленому змию».

В исследовательской литературе нечасто делается акцент на том, как много в «Севастопольских рассказах» офицерский состав пьет спиртного. *Для храбрости*, как бывает у штабс-капитана Краута, когда нужно выбрать, кто будет участвовать в сражении [3, с. 103]. Перед боем, как случается у штабс-капитана Михайлова [Там же, с. 29]. «Бутылка ликера с золотым красным огромным ярлыком» [Там же, с. 77] – едва ли не обязательный предмет обстановки комнаты офицера. «А вы нынче скажите... чтоб он вина поставил»; «Не хотите ли вина стакан?»; «Чего хотите... чаю или водки?», – то и дело мелькает в речи офицерства [Там же, с. 101, 43, 98].

Безусловно, дарам Вакха военные благоволили не только у Толстого. Реки шампанского, бокалы горячительного – неотъемлемая составляющая неписаного кодекса офицерской чести. Но в «Севастопольских рассказах», полагаем, подобными штрихами писатель говорит о другом. Много позже, на исходе XIX века, на вопрос «Для чего люди одурманиваются?» в одноименной статье Толстой даст только один ответ: человек, подчиняясь власти «зеленого змия», движим *«потребностью заглушения голоса совести»* [17, с. 275].

Толстым оправданы его герои. Окружающее их настолько чуждо человеческой природе, что не может быть принято ни сознанием, ни совестью. Выпивая «3 рюмки

водки и несколько стаканов портера», они, подобно Михаилу Козельцову, ощущают себя «*в духе всего общества, то есть в тумане и забвении действительности*» [3, с. 95]. Эта мысль прозвучит в цикле декларативно-прямо: «...опустим скорее завесу над этой глубокогрустной сценой. Завтра, нынче же, может быть, каждый из этих людей весело и гордо пойдет навстречу смерти и умрет твердо и спокойно; но одна отрада жизни в тех ужасающих... условиях... есть *забвение, уничтожение сознания*» [Там же, с. 96].

Исследователи не раз говорили об особом толковании героизма Л. Н. Толстым в «Севастопольских рассказах». Обращает на себя внимание то обстоятельство, что, изображая человека во время сражения, Толстой обнаруживает в нем ощущение сродни опьянению, когда стирается грань между отвагой и страхом, когда из инстинкта самосохранения отключается сознание. Показательно, что Пест во время пешей атаки «был в таком страхе, что он решительно не помнил, долго ли? куда? и кто, на что? Он *шел как пьяный*» [3, с. 46]. *Мертвецки храбрым* видится окружению командир Лисинковский [Там же, с. 46].

Сколько бы ни говорили персонажи цикла о героизме, отвага, согласно мысли Толстого, обратно пропорциональна чувствительности характера. Среди всех героев «Севастопольских рассказов» в этом плане отличался адъютант Калугин: «он был самолюбив и одарен *деревянными нервами, то, что называют храбр*, одним словом» [Там же, с. 39].

Личность восприимчивая, следуя Л. Н. Толстому, на войне естественным образом будет испытывать страх. Простой солдат, далекий от честолюбивых планов, тщеславных претензий, позёрства штабных офицеров, принимает это буквально как азбучную истину. Неслучайно герой-протагонист Толстого – младший Козельцов – станет свидетелем сцены, когда при тусклом свете накренившейся свечи обученный грамоте солдатик по слогам будет читать толпившейся рядом братии строки из «Азбуки», где страх смерти толкуется как «врожденное чувство» всякого человека [Там же, с. 93].

Правда, которую писатель назвал главным концептообразующим качеством «Севастопольских рассказов», оказывается идейно и художественно контрастной современному писателю литературно-публицистическому дискурсу. Сводки «Русского инвалида» на поверку действительно могут противопоставляться севастопольской трилогии Л. Н. Толстого, их мажорная патетика – очерковой точности толстовских описаний. Но, думается, расценивать это противопоставление как антиномию ложного и истинного было бы неоправданно категорично. Скорее здесь проявляет себя сложная диалектика *должного* и *данного*, неизбежная в эпоху исторических сломов и катаклизмов.

Священная война или война-сумасшествие?

Сегодня историки по-разному трактуют причины [18, с. 31] и итоги [19, с. 163; 20, с. 26] Крымской (Восточной) войны 1853–1856 гг. В изданных в 1904 г. «Рассказах о севастопольцах» Авдея Николаевича Супонева (1838–1905), излагающих с ориентиром на широкого читателя военную историю российского государства, такая оценочная полярность исключалась. Идейным камертоном разговора о Крымской войне служил манифест, провозглашенный Николаем I 9 февраля 1854 г., в котором война объявлялась *за веру и Отечество*. Такую же трактовку дает событиям 1853–1856 гг. А. Н. Супонев: «Причину великой борьбы, окончившейся осадой и затем падением Севастополя, было то, что покойный Император Николай I *вступился за права православных христиан*, угнетаемых Турками. <...> Турки... напали на православных христиан, не давали им... ключа от храма св. гроба, излюбленного места молитвы всех приходящих в Иерусалим <...> Император Николай... поднял все силы своего народа на борьбу за православие, и народ, *движимый горячею привязанностью к своей вере*, по слову царскому, поднялся на *защиту этой веры*. / Когда же распространилось известие о том, что силы врагов покинули турецкие владения и высадились на берегах Крыма, воодушевление народное сделалось еще сильнее» [21, с. 4–5].

В рассказах А. Н. Супонева героическая оборона севастопольцев – это прежде всего подвиг веры. Когда населению был дан приказ покинуть город, жители, что подчеркивается в «Рассказах», *безропотно* оставили свои дома [Там же, с. 27] (смиренно, без ропота, народом на Руси принималось то, в чем виделась воля Провидения). «С нами Бог», – идейный лейтмотив этой книги. А. Н. Супоневым приводится хранимое народом предание о судах, затопленных в севастопольской бухте. Корабль «Три Святителя» никак не уходил на дно: «...три дня буравили в нем щели, сделали четырнадцать дыр, а он все не тонет. Стали из пушек по нем палить – все не тонет. Хотели уже к государю писать, да один матрос догадался: полез и снял забытую на корабле икону – в ту же минуту корабль пошел ко дну» [Там же, с. 10].

В каждом слове здесь – незыблемая вера народа в то, что русское воинство окормлено защитой трех святителей – Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста. Неслучайно А. Н. Супонев упоминает о том, что в бой русские солдаты идут, возглавляемые иеромонахом Иоанникием Савиновым [Там же, с. 18].

«Рассказы о севастопольцах» воспевают подвиги Нахимова, Истомина, Корнилова. И. Митропольский в повести «Синопский юнга» также не единожды подчеркивает, что в народном восприятии личности командиров сакрализуются. Мальчик в повести не сомневается: «Тятя, с Нахимовым – не пропадем» [15, с. 4]; символично звучат и слова матросов: «С нами Павел Степанович был, с ним каких чудес не понаделаешь» [Там же, с. 9]. (Знаково, что далее И. Митропольский упомянет о том, что турецкое войско командующих не почитает, бросая их на поле боя.)

В эпистолярной Л. Н. Толстой не единожды упоминает Корнилова, Истомина и Нахимова, подчеркивая их личностный вклад в дело освобождения Севастополя. Вместе с тем в «Севастопольских рассказах», по мнению исследователей, «персонифицированные образы реальных исторических деятелей, как русских, так и союзников, практически не встречаются» [22, с. 195]; главным героем этой войны, следуя художественному тексту, был *народ русский* [3, с. 16].

Народный характер войны подчеркнут и А. Н. Супоневым. В «Рассказах о севастопольцах» Нахимов, Истомин и Корнилов «были не одни» – «за ними идет целый ряд известных и неизвестных героев» [21, с. 16–17].

Однако и в этом вопросе взгляды Л. Н. Толстого и современных ему писателей не были тождественны. В 1853 г. страницы «Русского инвалида» пестрили корреспонденциями о том, что народ *нетерпеливо* ждал начала войны: «Слухи о мире переходили из уст в уста, но им не верили, потому что *все хотели войны, – все были проникнуты желанием идти против турка, за невыполнение им своих обетов и за притеснение христиан – сограждан наших*» [14, с. 1].

Толстой тоже говорит о том, что народ принял войну, был готов воевать и умирать (писатель включает в повествование сцену объезда Корниловым войск, приводит его слова «Умрем, ребята, а не отдадим Севастополя» – и ответное «Умрем! Ура!» [3, с. 16]). Но у читателя «Севастопольских рассказов» не должно было оставаться сомнений: воевать народ *не хотел*. Не случайно народная молва у Толстого разносит антивоенные слухи: «Кистентин, царев брат, с мериканским флотом идет нам на выручку, еще – как скоро уговор будет, чтобы не палить две недели и отдых дать, а коли кто выпалит, то за каждый выстрел 75 копеек штрафа платить будут» [Там же, с. 10].

Присущее народу инстинктивное, природное отторжение войны в рассказах сопрягается с мыслями и замечаниями самого повествователя. Невозможно переоценить художественное открытие Л. Н. Толстого, убедительно показавшего, что враг по ту сторону линии огня – тоже человек; что французы, англичане – прежде всего «христиане, исповедующие один великой закон любви и самоотвержения» [3, с. 59].

Вслед за Л. Н. Толстым, разглядевшим во врагах человеческое, личностное начало, эта идея стала концептообразующей для целого направления мировой художественной мысли

и органично претворилась в творчестве ряда русских писателей, бравшихся впоследствии за военную тему. Так, И. Митропольскому в повести «Синопский юнга», подобно Л. Н. Толстому, удается разглядеть во враге человека: чтобы выжить, ему так же приходится рыть траншеи; ему так же бывает холодно; он тоже готовится к Пасхе и даже остановит канонаду, переживая за русского Ивана, бросившегося под пулями и ядрами ловить удравшего петуха [15, с. 9, 65, 89, 58].

Герой Митропольского маленький Вася жалеет каждого – и своего, и врага: у него ведь тоже может быть и дитя, и мама, которые его ждут, тревожатся за его жизнь [15]. Васе сразу было понятно, насколько страшна война: «Убивать будут» [Там же, с. 40]. В финале повести явно угадывается интонация Л. Н. Толстого: «...если человеческая злоба создала войну, то она все же не вечна и... настанет, быть может, такое время, когда на земле гораздо легче будет помириться и протянуть друг другу руки, чем взяться за оружие» [Там же, с. 112].

Случай И. Митропольского заслуживает особого комментария: имея военное прошлое, писатель синтезировал в своем произведении экстерьерную парадность описаний военных действий с онтологическим неприятием войны, берущим начало у Л. Н. Толстого.

«Война есть сумасшествие», – гласит очерк «Севастополь в мае» [3, с. 18–19]. Это и отличает восприятие Крымской войны Л. Н. Толстого и большинства современных ему литераторов. Создатель цикла «Севастопольские рассказы» не может оправдать происходящее на фронтах высокой целью, в то время как другие писатели в этих событиях видят глубинный смысл, подчеркивают их особую значимость в становлении национального самосознания.

Немногом позднее Л. Н. Толстого к сюжету об обороне южного форпоста Российской Империи обращается Василий Александрович Кокорев (1817–1889). В 1858 г. в журнале «Русская беседа» был напечатан рассказ В. А. Кокорева «Путь севастопольцев», описывающий возвращение участников обороны города на малую родину, в Петербург. Повествование проникнуто характерным для славянофилов духом поэтизации Крымской войны. В. Кокорев расценивает многомесячную оборону города как «Севастопольское жертвоприношение», на протяжении всего текста подчеркивая духовный потенциал этого события заглавной буквой. Согласно В. А. Кокореву, «приготовиться к смерти, надеть белые рубашки и защищаться до последней капли крови» для участников обороны означало принести себя в жертву во имя духовного очищения России. Зная об этом подвиге «самозабвения и общелюбия», «делать худо» будет стыдно и совестно [23, с. 79–80]. Это подвиг – во имя России, за всю Россию. Неслучайно В. А. Кокорев именует участников обороны «*Всероссийцы*». Героическое сопротивление осаде города в рассказе расценивается как своеобразный духовный камертон для всех россиян: «А мы, мирные Русские граждане, громко заявляем вам, славные Севастопольские Всероссийцы, наше единодушное желание направить себя на ваш Севастопольский путь, т. е. на путь *самозабвения*... в делах *общей* пользы...» [Там же, с. 136].

Расходясь с современниками в понимании войны, не принимая диктуемого войной закона взаимоубийства, Толстой, однако, своих героев-протагонистов ведет схожим с В. А. Кокоревым путем – путем забвения мелочно-эгоистичных мечтаний во имя общего, общенародного дела, *общей* пользы.

Заключение

«Севастопольские рассказы», полемически воспринятые читателями и критиками XIX века, разновекторно изучаются современным литературоведением. По общему мнению исследователей, цикл оказывается особо значим в осмыслении концепции истории Л. Н. Толстого, основывающейся в том числе на категориях *война* и *мир*. Давая различные характеристики мере объективности изображаемых исторических событий, ученые единодушно отмечают документальную основу рассказов, их социальный характер.

Проведенное исследование позволило выявить концептуальные различия в осмыслении Крымской войны, обороны Севастополя Л. Н. Толстым и его современниками. Тональность разговору о событиях 1853–1856 гг. в произведениях, ориентированных на массового читателя, задавал Манифест Николая I от 9 февраля 1854 года. В. Кокорев, А. Н. Супонев осмысливают Крымскую войну как войну вероисповедную, народную, возглавляемую сакрализуемыми народом адмиралами Корниловым, Нахимовым, Истоминым. В повести И. Митропольского «Синопский юнга» войска перед сражением описаны торжественно-парадно, в их передвижении и подготовке к бою угадывается некий порядок, гармония. В. Кокорев указывает на ментальный сверхсмысл трагических событий 1854–1855 гг.: героизм защитников города станет духовной максимой для всего российского народа.

Истинным героем обороны Севастополя выступает народ и у Л. Н. Толстого, но, согласно классике, простые солдаты, надевающие чистые рубахи перед сражением, готовы умереть, войны не хотят: ими движет естественное для людей чувство – страх смерти. Бессмысленность войны, ее чужеродность человеческому естеству – лейтмотив «Севастопольских рассказов». Убивать ближнего – абсурдно. Это, по Толстому, инстинктивно ощущается народом. Офицеры, прельщенные тщеславными мечтами о наградах, бравирующие напускным лихачеством, притупляют восприятие безумия происходящего винными парами. Толстому-баталисту удается запечатлеть это фотографически точно.

Для художественной словесности цикл Л. Н. Толстого стал прецедентным текстом, повлияв на поэтику написанных позднее произведений об обороне города-героя. В повести И. Митропольского «Синопский юнга», проникнутой отторжением войны, не обезличивающей, не расчеловечивающей врага, прослеживается традиция Л. Н. Толстого.

Вместе с тем, уходя от торжественно-мажорной тональности в описаниях военных действий, столь свойственной «Русскому инвалиду, Л. Н. Толстой не снижает духовной высоты народного подвига. Думается, именно поэтому сам феномен народной доблести в годы Великой Отечественной войны стал ассоциативно соотноситься с именем Толстого. Неслучайно в 1941 г. из радиоприемников блокадного Ленинграда звучали строки «Войны и мира».

Л и т е р а т у р а

1. Толстой, Л. Н. Полное собрание сочинений : в 90 томах. Т. 47 : Дневники и записные книжки 1854–1857 / Редакторы тома В. Ф. Саводник, В. Н. Срезневский, М. А. Цявловский. – Москва : Художественная литература, 1937. – 616 с.

2. Орехова, Л. А. Севастопольское окружение Л. Н. Толстого и предыстория «Севастопольских рассказов» / Л. Л. Орехова // Русская классика : проблемы понимания и языкового своеобразия. – Липецк : Издательство Липецкого государственного педагогического института, 2016. – С. 61–69.

3. Толстой, Л. Н. Полное собрание сочинений : в 90 томах. Т. 4 : Произведения севастопольского периода. Утро помещика / Редакторы тома В. Н. Срезневский, М. А. Цявловский. – Москва : Художественная литература, 1935. – 446 с.

4. Бухаренкова, О. Ю. Отражение исторической действительности в творчестве Л. Н. Толстого (на примере «Севастопольских рассказов») / О. Ю. Бухаренкова // Л. Н. Толстой – мыслитель, художник, педагог и современность : Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня смерти Л. Н. Толстого. – Москва, 2011. – С. 60–62.

5. Классики русской литературы : Критико-биографические очерки. – Москва ; Ленинград : Государственное издательство детской литературы Министерства просвещения РСФСР, 1952. – 764 с.

6. Волчек, Д. В. Крымская война «глазами» Л. Н. Толстого и Б. Бейнбридж (по материалам «Севастопольских рассказов») и романа «Мастер Джорджи») / Д. В. Волчек // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2011. – Вып. 4 (16). – С. 249–257.

7. Молодой Л. Н. Толстой : Сборник докладов Всероссийской научной конференции, посвященной 200-летию Казанского университета и 160-летию со дня приезда Л. Н. Толстого в Казань. – Казань : Издательство Казан. университета, 2002. – 140 с.

8. Молодой Л. Н. Толстой : Сборник докладов II Всероссийской научной конференции, посвященной 180-летию со дня рождения и 100-летию со дня смерти писателя. – Казань : Издательство Казанского университета, 2009. – 139 с.

9. Крымская Илиада. Крымская (Восточная) война 1853–1856 годов глазами современников : литература, архивы, пресса / Л. А. Орехова, В. В. Орехов, Д. К. Первых (Васильева), Д. В. Орехов. – Симферополь : Симферопольская городская типография, 2010. – 480 с.
10. Курьянова, В. В. Крымский текст в творчестве Л. Н. Толстого : монография / В. В. Курьянова. – Симферополь : Бизнес-Информ, 2015. – 220 с.
11. Ратников, К. В. Барабан и штык (Заметки о военной поэзии) / К. В. Ратников // Крымская война и русская поэзия : Антология патриотических стихотворений 1853–1856 гг.; сост. и послеслов. К. В. Ратников. – Челябинск, 2011. – С. 625–656.
12. Салманова, И. Ф. «Севастопольские рассказы» Льва Толстого и «Одухотворенные люди» Андрея Платонова : к проблеме художественного осмысления подвига защитников Севастополя / И. Ф. Салманова, Л. В. Куликова // Наука. Культура. Искусство : актуальные проблемы теории и практики. – Белгород, 2017. – С. 185–187.
13. Зорина, Е. Д. Ужас войны в «Севастопольских рассказах» Л. Н. Толстого / Е. Д. Зорина // Синергия наук. – 2018. – № 30. – С. 2023–2027.
14. Военный листок. Письмо из Бухареста от 7 декабря 1853 года // Русский инвалид. – 3 января 1854 года. – № 2. – С. 1–2.
15. Митропольский, И. И. Синопский юнга : Повесть из эпохи обороны Севастополя / Иван Митропольский. – Москва : Типография Вильде, 1917. – 128 с.
16. Военный листок. Библиография. Пятая книга военного журнала (Статья полковника Лебедева) // Русский инвалид. – 19 декабря 1854 года. – № 284. – С. 1–2.
17. Толстой, Л. Н. Полное собрание сочинений : в 90 томах. Т. 27 : Произведения 1889–1890 / редакторы тома Н. К. Гудзий, Н. Н. Гусев. – Москва : Художественная литература, 1936. – 764 с.
18. Медведева, О. Э. Причины Крымской (Восточной) войны в современной отечественной историографии / О. Э. Медведева // Наука, образование и культура. – 2018. – № 10 (34). – С. 31–33.
19. Данилов, А. А. История России. XIX век : учебник для 8 класса основной школы / А. А. Данилов, Л. Г. Косулина. – Москва, 1998. – 426 с.
20. Парамонов, В. Н. Интерпретация истории Крымской войны как инструмент манипулирования исторической памятью / В. Н. Парамонов // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. – 2016. – № 6. – С. 26–37.
21. Супонев, А. Н. Рассказы о севастопольцах / А. Н. Супонев. – Санкт-Петербург : Постоянная комиссия по устройству народных чтений, 1884. – 40 с.
22. Адонина, Л. В. Речевые образы Крымской войны и Севастополя в «Севастопольских рассказах» Л. Н. Толстого / Л. В. Адонина, Л. А. Моря // Социокультурные исследования : история и современность. – Москва, 2016. – С. 193–202.
23. Кокорев, В. А. Путь севастопольцев / В. А. Кокорев. – Санкт-Петербург : Библиотека Кокорева, 1858. – 169 с.

References

1. Tolstoy L. Collected Works. Diaries and notebooks of 1854–1857. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura Publishing House, 1937;47:616 (in Russian).
2. Orehova L.A. The Sevastopol environment of L.N. Tolstoy and the background of “The Sevastopol Sketches”. In: Russian classics: problems of understanding and linguistic originality. Lipetsk: Lipetsk State Pedagogical Institute, 2016;61-69 (in Russian).
3. Tolstoy L. Collected Works. Works of the Sevastopol period. A Landowner’s Morning. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura Publishing House, 1935;446 (in Russian).
4. Buharenkova OYu. The Reflection of historical reality in the works of L. N. Tolstoy (using the example of “The Sevastopol Sketches”). In: L. N. Tolstoy as a thinker, artist, teacher today: Proceedings of the Scientific Conference dedicated to the 100th Anniversary of the death of L. N. Tolstoy. Moscow, 2011;60-62 (in Russian).
5. Goryachkina MS. (ed.) Classics of Russian literature: Critical and biographical essays. Leningrad: Children’s literature Publ., 1952;764 (in Russian).
6. Volchek DV. The Crimean War “through the eyes” of L.N. Tolstoy and B. Bainbridge (based on materials from “The Sevastopol Sketches” and the novel “Master Georgie”). Vestnik of Perm University. Russian and Foreign Philology, 2011;4(16):249–257 (in Russian).

7. Bushkanets LYe. (ed.) Young L.N. Tolstoy: Proceedings of the Scientific Conference dedicated to the 200th Anniversary of Kazan University and 160th anniversary of L.N. Tolstoy's arrival in Kazan. Kazan: Kazan Federal University, 2002:140 (in Russian).
8. Bushkanets LYe. (ed.) Young L.N. Tolstoy: Proceedings of the Scientific Conference dedicated to the 180th Anniversary of the birth and 100th Anniversary of the writer's death. Kazan: Kazan Federal University, 2009:139 (in Russian).
9. Orehova LA, Orehov VV, Pervyh DH, Orehov DV. (ed.) The Crimean Iliad. The Crimean (Eastern) War of 1853–1856 through the eyes of contemporaries: literature, archives, press. Simferopol: Simferopol city printing house, 2010:480 (in Russian).
10. Kuryanova VV. Crimean text in the works of L. N. Tolstoy. Simferopol: Business-Inform, 2015:220 (in Russian).
11. Ratnikov KV. Drum and Bayonet (Notes on War Poetry) (in Russian). In: Ratnikov K-V. (ed.) Crimean War and Russian Poetry. An Anthology of Patriotic Poems of 1853–1856. Chelyabinsk: Chelyabinsk State Pedagogical University, 2011:625-656 (in Russian).
12. Salmanova IF, Kulikova LV. “The Sevastopol Sketches” by Leo Tolstoy and “Spiritualized People” by Andrei Platonov: to the problem of artistic comprehension of the feat of the defenders of Sevastopol. In: Science. Culture. Art: actual problems of theory and practice. Belgorod: Belgorod State Institute of Arts and Culture, 2017:185-187 (in Russian).
13. Zorina YeD. The horror of war in “The Sevastopol Sketches” by L. N. Tolstoy. Synergy of Sciences, 2018;30:2023-2027 (in Russian).
14. Military Sheet. Letter from Bucharest, December 7, 1853. Russky Invalid, 1854;2:1-2 (in Russian).
15. Mitropolsky II. Sinop cabin boy: A story from the era of the defense of Sevastopol. Moscow: Vilde Printing house, 1917:128 (in Russian).
16. Military Sheet. Bibliography. The Fifth book of the military magazine (Article by Colonel Lebedev). Russky Invalid, 1854;284:1-2 (in Russian).
17. Tolstoy L. Collected Works. The Works of 1889–1890. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura Publishing House, 1936;27:764 (in Russian).
18. Medvedeva OE. Causes of the Crimean (Eastern) War in modern domestic historiography. Science, Education and Culture, 2018;10(34):31-33 (in Russian).
19. Danilov AA, Kosulina LG. History of Russia. 19th century: textbook for 8th grade of primary school. Moscow: Prosveshchenie, 1998:426 (in Russian).
20. Paramonov VN. Interpretation of the History of the Crimean War As a Tool for Manipulating Historical Memory. Vestnik of Volga State University. Section 4. History. Regional studies. International relations, 2016;21(6):26-37 (in Russian).
21. Suponev AN. Stories about Sevastopol People. St. Petersburg: Standing Commission for the Organization of Public Readings, 1884:40 (in Russian).
22. Adonina LV, Morya LA. Speech images of the Crimean War and Sevastopol in “The Sevastopol Sketches” by L. N. Tolstoy. In: Sociocultural researches: history and modernity. Moscow: Pen, 2016:193-202 (in Russian).
23. Kokorev VA. The way of Sevastopol defenders. St. Petersburg: Kokorev Library, 1858:169 (in Russian).

МАШКОВА Екатерина Евгеньевна – к. филол. н., доц. каф. русской и украинской филологии, ГБОУ ВО Республики Крым «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова».

E-mail: lebed_ekaterina@bk.ru

Ekaterina E. MASHKOVA — Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Russian and Ukrainian Philology, State Budget Educational Institution of Higher Education of the Republic of Crimea Crimean Engineering and Pedagogical University the name of Fevzi Yakubov.

МЕДЖИТОВА Эльмаз Смаиловна – учитель русского языка и литературы, МБОУ «Школа № 9 им. Н. В. Старшинова г. Феодосии Республики Крым».

E-mail: elmaz.medzhitova@mail.ru

Elmaz S. MEDZHITOVA — teacher of Russian language and Literature, Municipal Budgetary General Education Institution ‘School No. 9 named after N. V. Starshinov’.